

Сергей Васильевич Самаров
Мертвая армия
Серия «Убойный арсенал»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6900236
Сергей Самаров. Мертвая армия: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-71736-1*

Аннотация

В своей дальневосточной лаборатории профессор Лурье изобрел совершенное генетическое оружие. Проект спешно засекретили, но было уже поздно – информация об изобретении стала достоянием общественности. На Лурье началась настоящая охота: представители сильнейших мировых спецслужб пытались во что бы то ни стало получить «рецепт» нового оружия. Организовать защиту профессора поручают взводу спецназа ГРУ под командованием старшего лейтенанта Гавриленкова. Бойцы прибывают в Уссурийский край, где с удивлением узнают, что им придется работать бок о бок с элитным подразделением спецназа ФСБ...

Содержание

Пролог	4
Глава первая	16
Глава вторая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сергей Самаров

Мертвая армия

Пролог

Осень 2012 года

– Почта, герр Огервайзер. – Секретарша Эльза положила на стол целую пачку конвертов, газет, счетов и всего прочего, что приходит по почте и что приносят на просмотр генеральному менеджеру научного отдела фармакологической компании «Пфайфер Лоок» два раза в неделю. Она же взяла со стола маленький серебряный поднос с сахарницей и двумя сложенными квадратиком салфетками, на которых лежала маленькая кофейная ложка.

Профессор поставил на поднос пустую чашку из-под кофе и кивнул секретарше, показывая, что она свободна. Эльза направилась к двери, энергично размахивая тяжелым задом. Профессор предпочитал на это не смотреть, потому что в его вкусе были женщины худощавые и даже слегка жилистые, внешне и по характеру жесткие и слегка злые.

– Ну-ну, посмотрим, что нам пишут, – сам себе сказал он и вытащил из верхнего ящика стола очки в мягком замшевом футляре. Разговаривать сам с собой профессор начал четыре года назад, когда трагически овдовел и когда стало некому сказать даже слово. Пришлось это слово говорить себе. При людях герр Огервайзер старался вести себя без таких вольностей. Но постепенно привычка устоялась и прорывалась порой в любом месте и в любое время, даже во время пешей прогулки по городу, и его манеру разговаривать с самим собой сотрудники считали лишь стариковским чудачеством.

Нацепив очки на нос, профессор взял в руки и распаковал первый счет на оплату.

Вообще-то на людях Огервайзер не носил очки, пользуясь контактными линзами. Но в линзах у него уставали глаза, особенно если приходилось читать при ярком освещении или на улице, освещенной солнцем, поэтому в рабочем кабинете и дома профессор предпочитал пользоваться очками. Причем держал абсолютно одинаковые очки в одинаковых оправках и однотипных очешниках и дома, и на работе. Он был по натуре своей консервативен и привычки менять не любил. А в очках профессор чувствовал себя комфортнее, хотя терпеть не мог это слово – комфорт, считая, что человек создан не для того, чтобы искать себе комфорт, а скорее для того, чтобы по возможности избегать его, если хочет чего-то в жизни добиться.

Расписав для начала финансовые счета по отделениям своего отдела, где их должны были завизировать перед передачей в финансовый отдел, Огервайзер занес в свой персональный компьютер все суммы, подлежащие оплате, чтобы знать, как расходуется бюджет отдела. С финансированием новых работ постоянно возникали проблемы, кризис бил по рукам даже сотрудников научного отдела. Часть счетов, в целесообразности оплаты которых сомневался, он отложил до выяснения вопроса с конкретными сотрудниками и стал распечатывать конверты с письмами. Конвертов, как обычно, было много. Он всегда поступал так – сначала распечатывал все конверты и только потом принимался за чтение. Работу с газетами как самую порой интеллектуальную и лично для него приятную, профессор оставлял, как сам говорил, на «почтовый десерт». Их присылали со статьями, касающимися деятельности всей фармакологической компании, а не только научного отдела. В совете директоров компании Огервайзер отвечал за имидж и потому своей подписью визировал оплату имиджевых статей. Следовало же знать, за что компания платит...

Письма в большинстве своем носили одинаковый характер. Чаще всего писали пользователи, как в компании называли людей, употребляющих в процессе лечения лекарства производства «Пфайфер Лоок». Как правило, это были жалобы на то, что лекарства, несмотря на заоблачную стоимость, не помогают, но это уже вопрос не к компании, а к врачам. Не помогают одни, требовалось прописать другие. Но люди винят именно производителей лекарств. В последнее время это стало модным. Приходило несколько писем с просьбами предоставить какому-то неимущему человеку лекарство бесплатно. Такие профессор обычно сразу, не читая, отправлял менеджеру по благотворительности. В этот раз попало три таких письма, Огервайзер отложил их на край стола и взялся за последний из уже разрезанных конвертов, самый толстый...

Тонкие холеные пальцы профессора вытащили не обычный для письма лист с от руки написанным или напечатанным на принтере текстом, а какие-то вырезки из газет. Причем газеты эти были не немецкими. В каждой вырезке определенный кусок текста был выделен маркером, а в верхнем углу степлером приколот листок бумаги с переводом. Последняя бумажка представляла собой просто визитную карточку с именем и фамилией, видимо, автора письма, и от руки надписанным номером телефона. Доктор Алоис Матиссе Гросс. Имя, ничего не говорящее Огервайзеру. Имя и фамилия вроде бы немецкие, но с испанской привязкой. Матиссе – явно что-то испанское.

Такое письмо, естественно, не могло не заинтересовать. Профессор еще раз посмотрел на конверт и только сейчас обнаружил, что оно адресовано не просто компании «Пфайфер Лоок», а лично ему. Это было тем более интересно. Не на домашний адрес, а на служебный, но конкретно профессору Отто Огервайзеру. Всего вырезок из газет было шесть. Причем четыре из них – об одних и тех же событиях, произошедших в Японии полгода назад. Историю эту профессор хорошо знал. В течение месяца после поступления в продажу нового препарата-антидепрессанта, производимого компанией «Пфайфер Лоок», примерно в один и тот же период времени, через неделю после начала приема препарата, шесть пациентов сошли с ума, и помешательство их было буйным. Эти шесть японцев не просто потеряли разум, они убивали других. В общем итоге шестерыми больными были убиты четырнадцать человек. Причем убиты самым зверским, садистским образом. Следствие объединило все шесть случаев потому, что все шестеро принимали один и тот же препарат. Японцы проводили обширное исследование, была создана целая комиссия, в которую включили и профессора Огервайзера, и его коллег из Франции и США. Но исследование ни к чему не привело. Ничего такого, что могло бы подействовать на психику больных, в препарате найдено не было. Тем более что препарат активно продавался в других странах, в Европе вообще пользовался большой популярностью, и никаких подобных эксцессов зарегистрировано не было. Но в самой Японии во время расследования произошло еще два подобных случая, опять больные применяли тот же антидепрессант. Ученые-фармакологи не знали, что и думать. Вполне возможно, что лекарство так действовало, но действовало почему-то выборочно, только на японцев. И компания «Пфайфер Лоок» на всякий случай написала на упаковке, что препарат не рекомендован к применению на территории Японии.

Что хотел сказать своим посланием неизвестный человек? Об этом можно было спросить только у него самого.

Следующая вырезка была из какой-то американской газеты. Причем ни названия газеты разобрать было нельзя, ни определить какую-то географическую привязку. Кроме страны, где она выходила. Профессор, прекрасно владеющий английским языком, прочитал несколько строк в не выделенном маркером материале и понял, что это американская газета. Так вульгарно пользоваться английским могут только американцы. Чтобы не терять время, сам выделенный материал Огервайзер читать не стал. Зачем себя утруждать, когда можно прочесть перевод. Там говорилось о том же препарате. И опять принимали его два японца,

живущих в США. Причем между собой они знакомы не были, но оба после недели приема антидепрессанта устроили резню. Один – в своей семье, до этого считавшейся катастрофически благополучной, второй – в ресторане. И опять с многочисленными жертвами.

Этот факт был неизвестен профессору и весьма его заинтересовал. Поэтому он схватился за последнюю вырезку, уже заранее предполагая, что речь пойдет об антидепрессантах и японцах. Все так и было. Опять два японца через неделю после начала приема лекарства сошли с ума. Теперь это были торговый агент и дипломат в Мехико. И опять повторилась кровавая драма...

Отложив материалы в сторону, Огервайзер задумался. Сноска на упаковке антидепрессанта была поставлена по той простой причине, что кто-то из членов научной комиссии высказал предположение, что лекарство, возможно, активно взаимодействует с каким-то характерным и популярным продуктом японской традиционной кухни, что и приводит к подобному результату. Японская кухня вообще особая. Например, нигде, кроме Японии, не едят жутко ядовитую рыбу фугу, из которой на Гаити, кстати, добывают яд тетродотоксин – основу для ритуального зомбирования людей в религии вуду. Японцы же из этой рыбы делают свои знаменитые фугусаши. Фугусаши – это картина на тарелке, выложенная из сырых кусочков фугу. В момент употребления рыбы фугу у человека наступает временный паралич. Сначала отказывают ноги, потом руки, потом и все тело, и человек в состоянии только водить глазами. Через некоторое время паралич полностью проходит, не оставляя следа в здоровье, но оставляя след в психике. В традиционной японской философии уход из жизни считается апофеозом красоты. А рыба фугу дает возможность прикоснуться к этому моменту и вернуться обратно. Есть и еще много продуктов традиционной японской кухни, которые не встречаются больше нигде в мире. Предположение было принято, и «Пфайфер Лоок» согласилась добавить на упаковке надпись...

* * *

Если профессору Огервайзеру прислали все эти вырезки из газет разных стран, то, скорее всего, этот человек не намеревается проводить публичный анализ, но хочет кое-что сообщить по данному поводу. И профессор, решительно сняв трубку, набрал номер. Но тут же положил трубку обратно. Он знал, что все служебные телефоны компании прослушиваются во избежание случаев промышленного шпионажа. На фармакологическом рынке конкуренция большая, и каждая компания имеет свой собственный штат промышленных шпионов, как и свою собственную службу безопасности. Еще не зная точно, о чем пойдет разговор, Огервайзер решил позвонить со своего личного сотового телефона и набрал номер уже с трубки.

На сей раз ему ответили сразу, и даже, на удивление, поприветствовали, словно знали, кто звонит, что его неприятно удивило, значит, кто-то и его личной жизнью интересуется.

– Я рад, профессор, что вы позвонили мне.

– Мне нужен господин Алоис Матиссе Гросс.

– Это я и есть...

Голос собеседника был гибкий и эластичный, но какой-то ледяной, бесчувственный, что ли, хотя сам герр Гросс пытался показать свою приветливость.

– Что вы от меня хотите? С какой целью, герр Гросс, вы прислали мне эти газетные вырезки.

– Это не телефонный разговор. Если вы выделите мне какое-то время для разговора, я приеду, и мы поговорим.

– Возможно, я соглашусь, но только при одном условии: если ваш разговор не сводится к попытке шантажа компании.

– Нет, не сводится. Я хочу сделать вам деловое предложение.

– Хорошо. Лабораторные работы у меня начинаются... – Профессор посмотрел на часы и добавил: – Начинаются через два часа тридцать пять минут. Если за это время вы успеете приехать, я распоряжусь, чтобы снизу вас проводили ко мне.

– Я буду у вас через двадцать пять минут.

– Договорились. Я прикажу сварить кофе. Моя секретарша варит удивительный кофе. Внизу сразу подходите к дежурному охраннику. Он будет в курсе и вызовет коллегу, который проводит вас ко мне. Я жду...

Поиск по Интернету показал только одного Алоиса Матиссе Гросса, доктора права, но чем этот доктор права занимается – сказано не было. Однако было указано место службы – министерство обороны. Фотография отсутствовала. И никаких данных. Даже даты рождения не было. Тот ли это человек или другой, носящий такое редкое для Германии сочетание имени и фамилии, определить пока не удалось, но ждать оставалось недолго. Когда охранник привел в кабинет Огервайзера высокого сухощавого человека с холодным и каким-то коварным взглядом водянистых, мало что выражающих глаз, профессор про себя подумал, что отнес бы этого человека скорее не к министерству обороны, а к БНД¹. Хотя это, в принципе, значения не имело, потому что разговор должен был идти, несомненно, о профессиональной деятельности профессора Огервайзера, а не о чем-то другом.

Эльза принесла поднос с двумя порциями кофе. Профессор жестом усадил гостя в кресло, вышел из-за стола и сел в кресло напротив. Так разговаривать было удобнее, лучше видно глаза человека. А сам он сел спиной к окну, чтобы свет мешал рассмотреть его лицо.

– Вы искали встречи со мной. Я готов вас выслушать. Времени у меня немного, поэтому не будем затягивать разговор.

– Во-первых, я представляюсь. Имя, указанное на визитной карточке, вы уже прочитали. Это мое имя. Я – полковник одного из управлений министерства обороны и к вам пришел не по личным, а по служебным делам. Вы ознакомились с материалами, которые я вам прислал?

– Да, я прочитал, – вяло признался профессор. – Нового вы мне ничего не открыли. Я входил в состав комиссии, изучающей японские случаи...

– Я в курсе. Даже в курсе выводов той самой комиссии, которые вам подсунул американский коллега, чтобы увести вас в сторону от действительного положения вещей.

Доктор Гросс попробовал кофе и зачмокал губами, одобряя способности Эльзы.

– Увести в сторону? В какую сторону? Зачем? С какой целью?

– Чтобы ваши работы не перехлестнулись с его работами.

– То есть? – не понял Огервайзер.

– Хорошо. Давайте подумаем вместе. Шесть случаев в Японии списали на взаимодействие с традиционной японской кухней. Но ни в США, ни в Мексике другие японцы традиционной кухней не злоупотребляли. Я допускаю мысль, что они время от времени имели возможность съесть что-то японское у себя дома, но в целом они питались так, как питаются американцы и мексиканцы. Это проверенные данные от нашей разведывательной службы.

– К этому делу даже разведка подключена. Я польщен. Тем не менее не вижу причины...

– Ваш американский коллега профессор Стоцки... Кажется, его зовут Джордж...

– Да, Джордж Стоцки, профессор из университета в Южной Каролине. Так чем мистер Стоцки вам не угодил?

– Правительство США выделило только в этом году сто двадцать миллионов долларов на его исследования...

– Хорошая сумма. Мне бы такое финансирование.

¹ БНД – федеральная разведывательная служба ФРГ. (Прим. автора.)

Профессор увидел, что в глазах Гросса мелькнули искорки интереса, и подумал, что ему в самом деле предложат финансирование какого-то проекта. Блеск в холодных равнодушных глазах – верный признак большой заинтересованности.

Но он ошибся.

– Наше федеральное правительство готово выделить средства большего масштаба, если вы согласитесь возглавить лабораторию, которую мы создадим специально для вас. Тем более вы уже имеете результат, которым пока воспользовался только ваш заокеанский коллега.

– Ничего не понимаю. Чем воспользовался профессор Стоцки? Какой результат я имею?

– Профессор Стоцки, – торжественно произнес Гросс, – обещал американскому правительству создать в две тысячи четырнадцатом году генетическое оружие². А вы уже сделали его нечаянно, и Стоцки воспользовался кое-чем из вашей методики.

– Я никогда не занимался созданием оружия.

– И тем не менее создали то, что в состоянии уничтожить японскую нацию. Работы над таким видом оружия ведутся уже не первый год во всех интеллектуально развитых странах мира, и мы просто не имеем права отступать. Я не знаю, Стоцки или кто-то другой испытывал на китайцах птичий грипп, но мы точно знаем, что это дело рук американских специалистов. По нашим данным, уже готовы испытательные образцы у русских. Ведутся работы и в самом Китае, и в Великобритании, и во Франции, и даже Болгария в настоящий момент способна уничтожить всю турецкую нацию, всех носителей турецкого гена. Израиль, согласно нашим прогнозам, в течение ближайших пяти лет создаст штамм бактерии, которая уничтожит арабов, но не евреев. Даже в том случае, если они будут жить рядом. Даже в случае, когда, к примеру, муж-еврей имеет жену-арабку. Неизвестно, правда, что будет с их детьми, но это дело израильтян. У них же, кажется, национальность передается по матери... В настоящее время науке известны генетические коды около пяти десятков этносов, различимых на генетическом уровне. Это открытый материал, но есть еще и закрытые. Если, скажем, американцы вплотную будут заниматься изучением генетических структур китайцев и открывать эти данные, Китай заявит, что США готовит против него генетическое оружие, и будет готовить контрмеры. Поэтому многие исследования носят закрытый характер. И над многими из этих кодов работают талантливые специалисты, ищут возможность внести в них катастрофические изменения. Так вот... Может ли Германия в такой обстановке остаться единичным исключением из числа крупнейших и развитых государств мира?

– И вы мне предлагаете...

– Я не предлагаю вам возглавить только еще создаваемую лабораторию, самостоятельно подобрать для нее опытные и перспективные кадры, а просто предлагаю стать автором системы немецкого генетического оружия.

– А моральная сторона вопроса вас не волнует?

– Об этом я хотел бы сказать несколько слов особо. Как раз о моральной стороне вопроса. Когда вы стоите на железной дороге, а на вас едет поезд, что вы сделаете?

– Уйду с рельсов, и все.

² Генетическое оружие – специалисты в области безопасности считают, что это искусственно созданные штаммы бактерий и вирусов, измененные с помощью технологий геной инженерии таким образом, что могут вызывать негативные изменения в организме человека. Генетическое оружие действует в зависимости от пола, возраста и различных антропологических признаков, которые можно выявить путем анализа структуры ДНК, хранящей генетический код (поскольку различия между отдельными людьми и популяциями связаны с неравномерным распределением белков в их отличительных генах). Генетически обусловлены (закодированы в ДНК) внешний вид человека, манера поведения, длительность жизни и множество других характеристик. Геной инженерия позволяет также создавать копии ДНК – на этом принципе строятся все эксперименты по клонированию, вызывающие наибольшие споры и неприятие со стороны общественности и церкви. (Прим. автора.)

– Резонно. Железная дорога это позволяет. Теперь второй вариант. Вы не спеша едете в своей машине и видите, что на вас сзади на огромной скорости несется тяжелый грузовик. Что вы сделаете?

– Скорее всего, если нет возможности свернуть...

– Нет у вас такой возможности. Нет ни одного поворота, нет ни одного съезда с дороги. Вы вообще на высокой эстакаде.

– Тогда я могу только резко добавить скорости, чтобы оторваться от грузовика.

– Но для этого что вы должны уметь?

– Управлять автомобилем.

– Вот именно! А чтобы уметь им управлять, необходимо его иметь, необходимо изучать его возможности. То же самое с гennым оружием. Если кто-то создаст такое оружие, которое будет истреблять выборочно только представителей немецкого народа, чем мы сможем ответить?

Профессор промолчал.

– Не имея опыта работы с таким оружием, мы будем обречены на вымирание. Весь наш народ. Именно потому нам необходимо сначала сделать оружие, а потом уже противооружие, ведь не имея оружия, создать его невозможно. Мы обязаны знать хотя бы технологии его создания.

– Возможно, это аргумент, – согласился профессор. – Но я пока говорю – возможно...

– Я приведу вам еще один аргумент. Лично для вас он должен быть весомым. Случай с вашей женой... Ее нелепая гибель...

Жена Огервайзера ехала на велосипеде, как она делала каждое утро, и ее буквально переехал грузовик, за рулем которого сидел турок-наркоман, даже не заметивший, по его собственным словам, что переехал человека.

– Каждое четвертое преступление в нашей стране совершается мигрантами, – продолжал герр Гросс. – Еще три года назад каждое пятое преступление совершалось мигрантами, а пять лет назад – каждое седьмое. Это о чем говорит? О том, что немцы стали более добропорядочными? Нет. Это говорит об увеличении числа мигрантов, значительная часть которых не может жить у себя на родине из-за своих преступных наклонностей. А как нам закрыть мигрантам путь? Это не позволяют ни законы, ни явно выдуманная мораль. Если ее применять шире, то скоро мы будем считать нормальным, когда мигранты станут заселяться в наши квартиры, а мы будем уступать им место. Нет. С этим бороться можно только тихо, и чтобы никто не подозревал, в чем дело. Ну, вреден вдруг оказался германский климат для мигрантов с юга...

– Да, это аргумент... – Огервайзер вдруг осознал, что доктор Гросс слишком много о нем знает, чтобы не суметь уговорить. Знает о том, что профессор несколько раз делал денежные вклады в пользу неонацистской партии, активно выступающей против миграции, наверняка читал его интервью по этому же вопросу одному французскому интернет-изданию. И как бы профессор ни отказывался, всегда будут появляться новые аргументы, которые заставят его согласиться. Да он уже и не хотел возражать...

– Аргументов много, герр профессор.

– Предложение заманчивое, но мне надо подумать, – начал было мямлить Огервайзер, глотая свой уже остывший кофе. Но тут же решительно добавил: – А что тут думать? Я согласен, хотя это не совсем то, чем я занимался раньше. Но если у меня получилось нечаянно, думаю, может получиться и преднамеренно. По большому счету, я сам уже думал о том, что произошло в Японии, именно в этом русле. Нужно будет только поднять старые материалы, и... И работать над ними. Главное, уяснить систему, и тогда все пойдет... Я согласен...

– Прекрасно, я сообщу результат нашей беседы своему командованию.

– Значит, вы...

– Я – только посредник между вами и бундесвером. И командование будет вести с вами уже конкретный разговор. В том числе и о финансировании. Моя рекомендация в этом вопросе – просите в два раза больше, чем вам требуется. Урежут наполовину, как раз получится...

Осень 2013 года

– По нашим данным, вернее, по данным МВД и ФСБ, там девять бандитов с Северного Кавказа. Натуральная банда, на счету которой несколько убийств предпринимателей. Так вот, эта банда выдвигается на лодках по реке в точку, определенную на карте. Там станом стоят рыбаки из племени ороков. Чем-то эти ороки не угодили кавказским бандитам. Плывут туда разбираться. Задача простая – обезвредить банду. Можно просто уничтожить, чтобы не было возни со сбором доказательств. Так конкретно просили в ФСБ. Я ясно объяснил?

– Так точно, товарищ полковник.

В кабинете присутствовали несколько офицеров штаба, три офицера в погонах, с просветами ярко-голубого цвета, какие носят в ФСБ, и два полковника полиции. И все внимательно слушали, как по-армейски лаконично и без «воды» отдает приказ начальник штаба бригады.

– Тогда готовь свой взвод. Завтра утром выступаете по тревоге.

Говоря честно, операция была совершенно не традиционной. Вообще непонятно было, зачем в таком деле задействовать спецназ ГРУ, когда можно обойтись просто-напросто полицейским спецназом или, в самом крайнем случае, спецназом ФСБ. Но приказы в армии, как известно, не обсуждаются, а выполняются. Причем все знали, как обстояло дело. Начальник краевого управления МВД обратился напрямую в штаб военного округа, и начальник штаба лично распорядился выделить для проведения операции взвод военной разведки. Команда была вниз по инстанции передана начальнику разведуправления округа, от начальника разведуправления приказ ушел еще ниже – в бригаду спецназа ГРУ, а там уже пригласили к себе для уточнения деталей спецов из краевого МВД и почему-то ФСБ и вместе с ними составили план. Штабы для того и существуют, чтобы составлять планы. Там сидят люди, которые это дело делать умеют и, может быть, даже любят. А как план выполняется, это уже штаба не касается. Главное – конечный результат. В штабе хорошо знали, что любое, даже самое минимальное подразделение спецназа ГРУ всегда действует исходя из внешних обстоятельств. Сами так воспитывали офицеров. И они так действовали.

Вообще-то считалось, что на территории России участвовать в боевых действиях приходится только на территории Северного Кавказа. И туда с самого Дальнего Востока регулярно, через каждые три месяца, отправляли на ротацию личного состава по четыре взвода спецназа. Постоянно на Северном Кавказе находился отряд численностью до роты. Половина отряда менялась, проведя в местах, которые раньше считались курортными, а теперь особо опасными, по полгода. Еще через три месяца менялась вторая половина.

В этот раз операцию требовалось проводить на самом Дальнем Востоке. Нонсенс, как назвал это начальник штаба бригады спецназа ГРУ полковник Соловков.

Группу особо не готовили, как обычно готовят перед командировкой на Северный Кавказ. Просто поднимали солдат по тревоге. Взвод выехал в путь на грузовике под командованием старшего лейтенанта Гавриленкова. С ним же в кабину сел и капитан полиции Подопригора, поскольку вся операция, как-никак, проводилась под эгидой МВД, хотя и силами армии. Ситуация Гавриленкову казалась странной, тем не менее приказ требовалось выполнять. На выезде из поселка к грузовику, просигналив фарами, присоединилась еще одна машина – большой и тяжелый внедорожник «Тойота Ленд Крузер Прадо» с гражданским номером. Гавриленкова предупредили заранее, что с ними в рейд пойдет и группа опера-

тивников ФСБ. Это были как раз они. В бригадный городок не успели, так присоединились по дороге. Так было обговорено в телефонном разговоре. Все шло по намеченному плану и даже, по мнению старшего лейтенанта Гавриленкова, слегка походило на учения. Разница в том, что солдаты были вооружены недавно полученными бригадой пистолетами-пулеметами «ПП-2000» с боевыми патронами. Причем каждый имел при себе по три магазина, два с обычными патронами по сорок четыре штуки в каждом и один с двадцатью бронебойными патронами. В дополнение каждый пистолет-пулемет имел в комплекте глушитель. Конечно, при использовании бронебойных патронов глушитель автоматически переходил из категории ПБС³ в категорию ПМС⁴, то есть приобретал звание тактического, но использование бронебойных патронов в такой операции виделось вообще слегка туманно, хотя эти патроны предназначены не только для стрельбы по противнику, защищенному каской и бронежилетом, но и по противнику, находящемуся внутри транспортных средств. Бронебойная пуля легко прошивает обшивку любого автомобиля и поражает водителя или пассажира.

Ехать предстояло долго, около пяти часов. А потом часов двенадцать, в лучшем случае, идти пешком маршем через тайгу. Тайга в тамошних местах никогда, похоже, не чистилась и была завалена гнилыми стволами и всем, что раньше убиралось, но сейчас не убирается. Если при советской власти людям платили за то, что они заберут на дрова сухие стволы из леса, то по нынешним глупым законам людей за это штрафуют, а леса становятся непроходимыми, стволы гниют и гнилью заражают здоровые деревья. Хотя взвод спецназа никогда в этих местах не бывал, общую обстановку он представлял по другим районам округа, которые подчинялись тем же самым законам...

Карту местности старший лейтенант Гавриленков получил в штабе. Карта была хорошая, подробная. Одновременно с получением карты старший лейтенант получил и предупреждение от начальника штаба бригады:

– Осторожнее там. Граница с Китаем официально проходит по руслу реки Сунгача. Вроде бы все закреплено официальными договорами, приближаться к противоположному берегу разрешается, высаживаться – нельзя, это будет нарушением государственной границы. Но главная беда в том, что русло практически каждый год меняется и перемещается то вправо, то влево. Иногда на полсотни метров уходит, даже, случается, старое русло заливает. Там по правому берегу старая Сунгача когда-то протекала. Река состояла из двух рукавов. Граница проходит по левому. Сейчас старое русло – просто ручей, заросший различной растительностью. Значит, имей это в виду, на карту там опираться нельзя. Хотя тебе до Сунгачи, может быть, и добраться не придется. А речка Черная полностью на нашем берегу. Как и Белая. Впрочем, в том месте вообще ничего не поймешь. Но ты разберешься...

– Понял, товарищ полковник, – щелкнул каблуками старший лейтенант.

Вот в те места взводу и предстояло добираться...

* * *

В середине пути, выбрав место между двух сопок, где не было автомобильного движения, старший лейтенант Гавриленков приказал водителю остановиться.

– Солдатам ноги надо размять. В лесок сбегать... – объяснил он капитану полиции в ответ на вопросительный взгляд.

Все вышли на дорогу, и часть солдат удалилась в ближайший заболоченный лесок.

³ ПБС – прибор бесшумной стрельбы. (Прим. автора.)

⁴ ПМС – прибор малошумной стрельбы. (Прим. автора.)

– Около года назад я здесь был, – сказал капитан Подопригора. – Метров на двести дальше, уже после середины подъема на сопку. Там полицейскую машину из райотдела расстреляли.

– Нашли?

– Никаких следов. Стреляли из трех автоматов и охотничьего ружья. Дробью. Из ружья уже сблизил добивали. Место выбрали как раз такое, когда приходится сбросить скорость. Все рассчитали. Когда «уазик» осматривали, коробка была на второй скорости, видимо, водитель только-только переключился. Прочистили всю тайгу, бесполезно. Все текущие дела проверили – зацепки никакой. Пытались сначала дело повесить на «партизан», помнишь, наверное, случай, когда молодые парни полицию расстреливали... Но они все в это время в других местах были. Алиби доказанное. Так и остался «висяк» на нас...

– Сколько человек положили?

– Четверых. Два капитана, старлей и сержант-водитель. Из кустов стреляли сначала в водителя. Машина в кювет и перевернулась. Один человек выскочил, его застрелили. Остальных добились прямо в машине. Мы только гильзы собирали.

– Дагестанские привычки, – заметил Гавриленков. – Это там в полицию стреляют хотя бы потому, что в форме ходят. Но там полиция – еще похуже вас будет. Достают людей сильно, и на взятки аппетиты немеренные. Не просто берут, а требуют.

– Все как у людей, – мягко согласился капитан Подопригора.

Из остановившейся позади грузовика «Тойоты» вышел майор в новеньком бушлате. Вопросительно посмотрел на старшего лейтенанта с капитаном и поинтересовался:

– Долго стоять будем?

– Вы представиться забыли, товарищ майор, – напомнил Гавриленков.

– Майор, кажется, Зотов, ФСБ России. Вы можете не представляться. Я вас знаю.

– ФСБ России – это значит, не наше краевое управление? – спросил капитан Подопригора. – наших я всех хотя бы в лицо знаю...

– Это значит, что я приехал из Москвы специально, чтобы в ваших делах поучаствовать, – довольно холодно произнес майор Зотов. – Надеюсь, не помешаю?

Последняя фраза прозвучала довольно ехидно.

– Я тоже на это надеюсь, товарищ майор, – просто ответил старший лейтенант Гавриленков. – Но все зависит от того, как вы себя будете вести. А почему «кажется, Зотов»? Вы плохо свою фамилию помните?

– Это у меня присказка такая. Юмор, можно сказать, который никто, кроме меня, не понимает. Но мне достаточно, что понимаю я сам.

– Странный у вас юмор...

Майор на это только сердито глазами стрельнул в сторону старшего лейтенанта, который шагнул к солдатам, собравшимся на обочине.

– Все пришли?

– Так точно, все на месте, товарищ старший лейтенант, – доложил замкомвзвода старший сержант контрактной службы Вася Клишин.

– К машине!

Загрузились солдаты взвода в один момент. Машины тронулись в том же порядке, что и прежде. Впереди грузовик, за ним «Тойота Ленд Крузер Прадо» с гражданским номером. По автомобильной дороге предстояло проехать еще вторую половину пути...

Рядом с дорогой пейзаж не менялся. По-прежнему заросшие тайгой сопки чередовались с затянутыми ряской болотинами. Иногда, хотя и не часто, между сопками образовывалось небольшое озеро, со временем тоже обещающее превратиться в болото, потому что его никто не чистил. Однообразие пейзажа не радовало глаз.

– Ты сам-то, Сергей Сергеевич, не местный? Или как? – поинтересовался капитан Подопригора. – У вас же служба такая... Куда пошлют...

– Из Новосибирской области. А ты, Семен Николаевич?

– Я здешний, коренной. Из Арсеньева. Еще с отцом в детстве все Приморье объездил. Он у меня топографом был, и я в старших классах с его партией летом ездил. С рейкой бегал. Топограф с теодолитом, я с рейкой. Хорошая работа для мальчишки. И по сопкам, и по болотам, и по тайге комаров кормил. И в здешних краях тоже побывал. Но тогда уже было, как сейчас... Я полноводье здесь не застал. Говорят, до восьмидесятого года здесь между сопками одни озера были, а сама Сунгача была даже судоходной. Это сейчас там не везде на лодке проплывешь. Средний уровень глубины около трех метров, а местами – по щиколотку. Винт тину со дна собирает и стопорится. Приличная глубина в основном на «восьмерках» осталась, так здесь извилины называют, представь, длина реки километров двести двадцать, а напрямую от истока до устья всего восемьдесят. Все расстояние на извилины приходится. А самые извилистые извилины «восьмерками» зовут, по конфигурации они на цифру «восемь» похожи. Но за последние тридцать три года здесь все изменилось до неузнаваемости. Тогда в Ханке⁵ уровень воды вдруг резко упал, соответственно, в реках тоже. А озера реками подпитывались и без подпитки болотами стали.

– А Черная как? – спросил старший лейтенант.

– Точно так же, как Белая. Это уже не реки, а речки.

– Судя по карте, напрямую нам не пройти, – заметил старший лейтенант Гавриленков.

– Да. Асфальт для нас не проложили. А на карты ты не ориентируйся, их в здешних местах раз в год переснимать нужно. Будем идти к конкретной точке, а как идти – это уж как бог положит. Но разогнаться не получится – это точно. Скоро приедем, похоже...

– Похоже, что действительно скоро приедем. – Несмотря на предупреждение капитана полиции, старший лейтенант все же ориентировался на карту. Если здесь русла рек время от времени меняют свои очертания и озера регулярно превращаются в болота, это вовсе не значит, что автомобильная дорога «Уссури» – трасса федерального значения – тоже каждый год изменяет конфигурацию. А на карте отмечен точный участок высадки – на вершине одной из последних в этих местах сопки. А дальше путь лежал туда, где вообще сопки нет, где сплошная низина, называемая Приханкайской равниной. Зимой там пройти можно без проблем напрямую. Даже в самой реке Сунгача лед порой достигает метровой толщины, а уж в неподвижных болотах и озерцах все льдом сковывается до дна. Но до наступления зимы по местному календарю, а это начало ноября, еще целый месяц. Ждать месяц никто не разрешит. Рыбаки их ждут, да и бандиты не задержатся. И идти придется по тем самым болотам, петлять между озерами, ориентируясь по компасу, корректировать свой путь. Самое большое неудобство состояло в том, что не было возможности пользоваться навигаторами. В районе проведения операции вообще отсутствовала какая бы то ни было связь. Не было не только сотовых вышек, в те места по какой-то природной аномалии не пробивался даже сигнал спутника, а если и пробивался, то с большими искажениями, да и то лишь в отдельных местах. В целом же предстояло вести автономную работу, не имея возможности разъяснить детали приказа или доложить о ситуации.

Возможно, именно из-за отсутствия связи и невозможности вызвать помощь меньше недели назад без вести сгинула группа полицейского спецназа из двенадцати человек.

⁵ Катастрофическое падение уровня воды в крупном озере Ханка в 1980 году сказалось на всей окружающей природе. Река Сунгача, связывающая озеро Ханка с рекой Уссури, полностью потеряла способность к судоходству, хотя мелеть она начала еще в середине двадцатого века, обмелело и заросло травой множество озер, раньше считавшихся гордостью местности. Реки, впадающие в Сунгачу, превратились в маленькие речки. Природный катаклизм в первую очередь сказался на жизни коренных местных жителей.

Искали двух сбежавших из СИЗО опасных преступников, а потерялись сами. Ничего о них не было слышно. Хотя преступников уже поймали в другом месте.

Командование бригады не поставило старшего лейтенанта Гавриленкова в известность об истории с полицейским спецназом. Но, возможно, и командование никто в известность не поставил. О пропаже такой большой и хорошо вооруженной группы старшему лейтенанту рассказал капитан полиции Подопригора. Старший лейтенант допускал, что спецназ ГРУ послали сюда как более подготовленную боевую единицу. Спецназ ФСБ пустить не решились, у них не такая сильная подготовка, как у армейцев. Может быть, капитан Подопригора потому и был зачислен в состав, чтобы параллельно с основной задачей поискать следы той группы, хотя откровенно он об этом и не говорит. Но все должны были показать дальнейшие события, и старший лейтенант Гавриленков не спешил делать выводы, имея слишком мало фактов даже для простейшего анализа...

* * *

Машины отпустили сразу после выгрузки. Погуляли десять минут по дороге, чтобы согласовать с пассажирами внедорожника график движения. Опера ФСБ не производили впечатления страстных путешественников. Это был их минус, ведь дальше предстоял долгий пеший ход.

Конечно, уссурийская тайга – это не Северный Кавказ. Здесь нет кавказских бандитов, и потому опасаться, казалось бы, нечего. Тем не менее старший лейтенант Гавриленков, помня о пропаже группы полицейского спецназа, выставил на всякий случай передовое охранение из двух автоматчиков и пулеметчика с РПК⁶. Кавказских гор здесь тоже не было и в помине, а небольшие сопки уже остались позади. Но, согласно карте, тайга шла только вдоль сопки узкой полосой, а дальше, вплоть до российско-китайской границы, которая как раз по Сунгаче и проходила, шли сплошные болота, имеющие лишь небольшие островки с деревьями. Видимость на равнинных болотах была хорошая, и потому боковое охранение Гавриленков решил не выставлять. Но что его удивляло больше всего, так это отсутствие на карте населенных пунктов.

– А кто здесь будет жить? – В ответ на его вопрос капитан полиции Подопригора только скривился. – Здесь самый простой огород посадить невозможно. Все зальет. Как дождь зарядит, только вплавь и пробраться. Рыбы, правда, в здешних озерах много. Рыбаки иногда приплывают. Но они на Сунгаче себе даже хижину не ставят. А как поставишь, если русло так гуляет. В один год поставишь, на следующий год хижина уже в Китае. Через год приплывешь, а китайцы хижину уже далеко перенесли, и на другом берегу ее видишь. А то и вовсе рекой унесло. Зачем тогда ставить? Палатками обходятся.

– А вон и хижина... – сказал старший сержант Клишин, протягивая старшему лейтенанту бинокль. Бинокль этот вообще-то принадлежал Гавриленкову, просто иногда им пользовался и замкомвзвода Вася Клишин, потомственный охотник и лучший наблюдатель во взводе.

Гавриленков поднес бинокль к глазам и рассмотрел хижину, стоящую на невысоком островке, заросшем высокими ивами. Стены отчетливо просматривались сквозь стволы деревьев.

– Есть хижина, – сказал он и передал бинокль Подопригоре. Тот тоже рассмотрел и согласно кивнул:

– Хижина есть. Только дыма над трубой нет. Но сезон еще не тот, чтобы круглые сутки топить. Заглянем, полюбопытствуем...

⁶ РПК – ручной пулемет Калашникова, штатный пулемет на вооружении взвода спецназа ГРУ.

– Вася, подкорректируй движение, – распорядился командир взвода.

Старший сержант, не обращая внимания на то, что перед ним болото не мелкое, а он не в резиновых сапогах, а в солдатских башмаках, следовательно, рискует ноги до колен промочить, побежал к ведущему, чтобы дать новый ориентир.

Старшего лейтенанта с капитаном догнали идущие в замыкающей группе офицеры ФСБ.

– Что-то нашли? – спросил майор Зотов.

– Хижина на острове. Заглянем в гости ради любопытства.

– Откуда здесь хижина! Здесь разве вообще кто-то живет?

– Я не слышал, товарищ майор, чтобы хижины каким-нибудь вегетативным способом размножались, – усмехнулся Подопригора. – Если есть хижина, значит, ее кто-то построил. Если хижину построили, значит, построили для кого-то и для чего-то. Интересно посмотреть, кто построил и для чего. Может, что-то интересное услышим о пропавшей группе полицейского спецназа. Если кого-нибудь там, конечно, встретим...

– Посмотрим. Мне-то что... – к удивлению капитана, не стал возражать ему Зотов. – Кстати, а что здесь со связью? Почему ее нет?

– Связь, товарищ майор, кончилась, как только мы спустились с последней сопки, – пояснил старший лейтенант Гавриленков.

– У меня спутниковая трубка. Я с нее разговаривал даже из-за Полярного круга. Ни разу не подводила.

– Говорят, здесь какая-то геомагнитная аномалия. Под землей проходит разлом земной коры, идут излучения, и потому не работают даже навигаторы. Спутники со своим дальним сигналом сюда не могут пробиться.

– А что же меня не предупредили? Мне же связь необходима...

– Я ничем не могу вам помочь, товарищ майор. Меня никто не уполномочивал обеспечивать вас связью. Я даже не знал, кто со стороны ФСБ поедет с нами. Некого было предупредить.

Старший лейтенант передал по цепи приказ. Слова командира меньше чем за минуту дошли до головы взвода. Растянувшаяся змейкой колонна изменила направление движения, круто забирая вправо. Солдаты опирались на толстые палки-посохи, вырубить которые старший лейтенант приказал каждому еще перед выходом из таежной полосы. Такая палка не только помогала поддерживать равновесие, когда под ногами слой воды, а под ней скользкое дно, она помогала еще и глубину болота перед каждым шагом измерять.

Неожиданно и майор Зотов ринулся наперерез солдатам. Чуть не по пояс проваливался, но спешил успеть к избушке первым. Похоже было, надумал место поближе к печке занять, хотя она и не топилась. Однако старший лейтенант Гавриленков видел, что он все равно не успеет...

Глава первая

Владимир Иванович Груббер, большой любитель разного рода гаджетов, нажал на сенсорный экран своего смартфона, имеющего многопрофильный инфракрасный порт и потому способного заменить любой пульт любого бытового прибора, и на окна опустились плотные алюминиевые жалюзи. В кабинете стало почти темно. Свет давала только слабенькая светодиодная настольная лампа, включившаяся автоматически, как только жалюзи начали движение вниз. Сам профессор неторопливо вернулся к своему столу. Ходить торопливо Владимир Иванович, кажется, вообще разучился, поскольку ему это было сложно. Говоря честно, ему было сложно ходить даже медленно, потому что ноги с трудом переносили сто шестьдесят килограммов собственного профессорского веса. Но в почти двухметровой фигуре это совсем не казалось излишеством. Вес будто бы соответствовал росту. Человек выглядел просто слегка полным, но не толстым. Однако суставы его ног, особенно колени, ощущали тяжесть и скрипели под излишним весом.

В мягких глубоких креслах напротив стола сидели два генерал-майора ФСБ, люди еще достаточно молодые в сравнение с хозяином кабинета, но он, несмотря на возраст и на то, что был только в звании полковника того же самого ведомства, что и генералы, в отличие от них, не носил мундир и поэтому чувствовал себя в присутствии генералов свободно. Даже более того, командовал в своем кабинете именно Владимир Иванович.

– Разверните, пожалуйста, кресла. Я во время ремонта специально попросил оставить белой противоположную стену, чтобы можно было использовать ее в качестве экрана.

Новые короткие манипуляции со смартфоном включили установленный на столе и уже развернутый в сторону стены проектор. Экран обрисовался на белой стене четкими границами, и профессор вставил в проектор мини-диск. Через секунду появилось изображение. Оно было нечетким, видно, что снимали издалека и не самой лучшей, не самой приспособленной для этого камерой, но все же лица людей были вполне различимы. Звуковой ряд при этом отсутствовал, но не потому, что аппаратура не имела выходящих каналов, а просто потому, что никто ничего не говорил. Однако отчетливо слышалось тяжелое дыхание человека, производящего съемку. Должно быть, он находился в неудобной позе.

– Вот этот человек в светло-бежевом костюме – профессор Дорон Равви – меня интересует, – сказал Владимир Иванович. – Вернее, не столько он сам, сколько содержимое его сейфа. Сейф стоит в кабинете на втором этаже его дома в Кирьят-Оно⁷. Точный адрес, вместе с планом дома, который я начертил от руки, в прилагаемых к диску документах. Правда, там план только второго этажа. На первом этаже я лично знаком только с гостиной и столовой, других помещений не видел. Итак – второй этаж. На средней полке в сейфе стоит контейнер из розового прозрачного пластика. Контейнер на двенадцать дисков, но там их только одиннадцать, по крайней мере, было одиннадцать три дня назад. Мне нужны всего лишь три из них, но я опасаюсь, что ваши люди не сумеют выбрать нужные. Следовательно, необходимо предоставить выбор мне, а я выбрать сумею.

– То есть необходимо доставить вам все одиннадцать дисков, – не спросил, а утверждающе сказал один из генерал-майоров, тот, что был ростом ниже и беззастенчиво круглолиц, в отличие от своего сухощавого лицом и телом коллеги. Круглолицость как-то не вязалась с деятельностью отдела, который возглавлял генерал-майор, но, кажется, не мешала ему в службе.

– Вы удивительно догадливы, товарищ генерал.

– Охрана в доме есть? – спросил сухощавый генерал-майор.

⁷ Кирьят-Оно – город Тель-Авивского округа Израиля.

– При мне не было. Привратник у ворот. Немолодой, слегка дряблый. Не похож на охранника. В самом доме при мне была только прислуга и дочь доктора Равви – разбитная разгульная девица, которая умеет только папины деньги тратить. Как я понял по интонациям в их разговоре, она отцом вертит, как хочет, а он в ней души не чает. Оружия, впрочем, в доме много. Я сам видел три пистолета и охотничье ружье. Наверное, это еще не все. Но, скажу откровенно, мне не хотелось бы, чтобы в этом доме стреляли. Меня там принимали очень радушно. Следует просто отработать содержимое сейфа. В отсутствие хозяина это сделать будет нетрудно. А с хозяином я через четыре дня встречаюсь в Лондоне на конференции. Конференцию проводит Британская медицинская ассоциация. Кстати, вы слышали про последнее заявление этой ассоциации? Оно напрямую касается нашей с вами деятельности...

– И что она заявила? – спросил круглолицый генерал.

– Что-то я слышал про какое-то заявление, но не помню, – признался второй генерал.

– Она заявила, что, имея на руках подробные данные о ДНК, можно с помощью генетического оружия уничтожать не только целые этносы, но и определенные группы внутри этого этноса. Например, талантливых финансистов или, скажем наобум, талантливых художников, поскольку группы, относящиеся к определенной группе талантов, имеют собственный ярко выраженный ген, по которому их можно выделить. А если их можно выделить, значит, на них возможно произвести атаку боевыми штаммами. Определяется человек по одному гену, атака, понятно, идет на другой, на жизнеобеспечивающий. Таких несколько, и все они хорошо известны. Именно по разработке методологии защиты от боевых штаммов и будет проведена конференция. Причем приглашают на нее людей, которые, как нами давно определено, плотно занимаются именно разработкой генетического оружия. Я почему-то наивно считаю, что англичане тоже знают, кто этим занимается в других странах, и потому приглашают таких узких специалистов. Конкретных людей, а не просто практических генетиков. Всех подряд не берут. Даже серьезных теоретиков оставляют в стороне. И невольно возникает мысль – а зачем? Ответ же появляется сам собой – затем, чтобы разработчики и производители заранее знали системы, которые они должны обходить. То есть конференция должна бы носить в названии не «методологию защиты», а «методологию обхода защиты». Это было бы справедливо. По методологии защиты запрограммировано восемь докладов. Восемь разных тем и направлений, каждое из которых нам предстоит научиться обходить.

– Естественный вопрос, профессор... – заговорил сухощавый генерал, строго соблюдая очередность вопросов своих и своего круглолицего коллеги. – Зачем Британской медицинской ассоциации все это нужно?

Ответ у Владимира Ивановича был, похоже, уже готов, и он сказал без секундной задержки:

– Насколько я помню, именно в Великобритании родилось понятие «золотого миллиарда», который в состоянии прокормить наша с вами грешная земля. Если все развитые страны получают генетическое оружие, человечество обречено. Может быть, при каких-то особых условиях миллиарду и удастся спастись в специальных бункерах, не знаю. Но я боюсь, что это будут только какие-нибудь чукчи и эскимосы, которые мало кого волнуют и против которых никто не работает.

Видеофильм закончился, мини-диск автоматически вышел из проектора. Профессор вложил его в пластиковый конверт, вытащил из стола несколько скрепленных степлером листов с компьютерной распечаткой, приложил диск к ним и передал круглолицему генералу:

– Здесь все данные о доме моего коллеги. Можете приступать к разработке, товарищи генералы. Надеюсь, к моему возвращению из Лондона я увижу свой заказ на этом столе. Удачи вам...

* * *

Уже после официального получения задания старшего лейтенанта Гавриленкова вызвал в свой кабинет начальник штаба бригады полковник Соловков. Усадил за стол, что было уже само по себе необычным делом. Обычно младшие офицеры, вызванные в кабинет, выслушивали все, что собирался сообщить начальник штаба, стоя. Но в этот раз вообще все было как-то не так. И офицеров штаба в кабинете не было, хотя здесь всегда толпился народ с картами, с какими-то документами, отчетами, докладами, и сам полковник выглядел слегка растерянным, без обычной своей армейской грубоватой прямолинейности. Складывалось впечатление, будто Соловков потерял что-то важное и во время разговора с командиром взвода думал о своей потере. Это Гавриленкову было непривычно.

– Как у тебя, Сергей Сергеевич, во взводе дела обстоят?

– Взвод в полной боевой готовности, товарищ полковник.

– Ты же у нас со своим взводом два месяца назад только с Кавказа вернулся...

– Полтора, товарищ полковник. Полтора месяца назад.

– А в отпуск что, не уходил?

Обычно сразу после командировки на Северный Кавказ большинство офицеров старается взять отпуск. Отсюда и вопрос начальника штаба.

– Я написал рапорт с разрешением на соединение отпусков за два года. Вы же сами, товарищ полковник, подписывали за командира бригады. Я участок в деревне купил, дом строить собираюсь. За один отпуск не справлюсь.

– Да, помню, – кивнул Соловков. – Короче говоря, Сергей Сергеевич... Посылаю я тебя на операцию, к которой у меня, признаюсь честно, душа не лежит. Но есть приказ...

Старший лейтенант слушал не перебивая. И вопросов пока не задавал, хотя начальник штаба, кажется, ждал именно их. Но, не дождавшись, продолжил:

– Во-первых – ороки... Я тут поинтересовался этим племенем. На всю страну ороков и три с половиной сотни не набирается. Живут они в основном на Сахалине. Кстати, не путай их с ороками. Это другой народ. Ороки – коренной народ Дальнего Востока. По языку и по культуре родственны племенам орочей, нанайцам, ульчам, удэгейцам. Кроме того, двадцать человек проживает в Японии на острове Хоккайдо. И все. Откуда взялись ороки на Сунгаче? Это слишком далеко от мест их проживания. А там, в местах проживания, своей рыбы хватает. Непонятен мне этот факт. Как слегка непонятен и другой. Почему эти ороки приплыли туда, где вообще нет местного населения? С одной стороны, можно предположить, что как раз поэтому и выбрали это место, что здесь местного населения нет. Нет населения – никто рыбу не ловит, значит, ее много. Но зачем так далеко от дома? На материке? На самом Сахалине полно безлюдных мест... Идем дальше. Почему сам полицейский спецназ не может блокировать эту банду кавказцев? Они точно так же, как мы, на Северный Кавказ в командировки мотаются. Тоже по полгода. Непонятно. Потом, в дело вмешалась ФСБ. Но и у ФСБ есть свой спецназ, и неплохо обученный. Почему не они?

– Почему? – спросил все же старший лейтенант.

– А я не отвечу. Просто потому, что не знаю ответа. Имею я право не знать, если мне не сообщили? Имею! Но, и это я знаю твердо, раз нам приказали, приказ требуется выполнять. Мы с тобой люди военные. А армия на выполнении приказов всегда держалась и до сих пор держится. При этом я тоже имею право кое-какие меры предпринимать. И даже не в обход своего прямого командования. Мы сейчас на каком-то странном, как ты знаешь, положении находимся. Нас вроде бы переподчинили округам, в то же время, официально не вывели из состава ГРУ. Мы и тем, и другим одновременно подчиняемся. Я свои сомнения взрастил, я и должен найти ответ на свои вопросы, потому и подготовил официальный запрос в ГРУ.

Командир бригады вставил пару строчек от себя, подписал и отправил. Ответа пока нет. Не знаю, ответят ли до твоего отъезда, меньше двенадцати часов осталось. Если не ответят, ты выезжаешь, но соблюдаешь крайнюю осторожность. Связи в тех местах, к сожалению, не бывает, значит, будешь действовать автономно. Но лично несешь ответственность за каждого солдата. Все понял, Сергей Сергеевич?

– Так точно, товарищ полковник. Все понял. Буду стараться соблюдать крайнюю осторожность. Готов к любым поворотам событий...

* * *

Круглолицый генерал-майор Макарец даже ночевать остался в офисе СВР⁸, чтобы получить данные о проводимой операции сразу, как только придет сообщение. Юрий Васильевич думал о том, как хорошо было, когда СВР являлась управлением КГБ и не имела еще комплекса собственных зданий в Ясенево. Стоило перейти с этажа на этаж, и уже попадал куда следует. И не требовалось никакого пропуска выписывать. Нажимал звонок, к широкой, во весь коридор, двери выходил дежурный, спрашивал, к кому пожаловал гость, звонил, выяснял и отправлял с помощником в нужный кабинет. Правда, Юрий Васильевич Макарец тогда был только лейтенантом КГБ, но посещать Первое главное управление ему доводилось тогда дважды, во второй раз, кажется, уже старшим лейтенантом. И никаких трудностей в этом не было. А сейчас, став генералом, он вынужден был двадцать минут просидеть в бюро пропусков, и только после этого его встретили и проводили в нужный кабинет. И вообще, добираться до комплекса зданий Службы внешней разведки было неудобно, он располагался за МКАДом. И отсюда добираться до дома или до места службы в нерабочее время тоже было не совсем удобно, тем более что персональная машина генерал-майора Макареца стояла в ремонте, а пользоваться каждый раз дежурной ему не нравилось. Да и дежурному надоедать не хотелось. Дежурных машин всегда было мало, а они были нужны многим, и приходилось ждать. Потому генерал и решил дожидаться результатов вместе с сотрудниками СВР. О нем даже позаботились. Позвонили в буфет, и немолодая официантка принесла генералу на подносе скромный, но вполне приличный ужин, и, что удивительно, бесплатный. То ли такие случаи предусматривали бесплатное угощение гостей, то ли кто-то из офицеров, с которым генерал сотрудничал, проявил уважение к его погонам и сам заплатил...

При таком обслуживании даже ждать было не так неприятно, хотя в природе всех вещей ожидание – самое, возможно, неприятное занятие. Правда, на взгляд Макареца, неприятнее было чувствовать собственное бессилие в проведении акции за границей. Но, по нынешним временам, этим занималось другое ведомство. Служба внешней разведки имела на своем попечении активную и неплохо подготовленную в «Лесной школе»⁹ группу палестинцев, которая и должна была выполнить задание, пришедшее из ФСБ. Сама ФСБ не имела сейчас возможности для такой активной работы за границей, а СВР пользовалась в этом вопросе профессиональной привилегией. Попечение же над палестинцами выливалось не в денежное довольствие, как бывало при советской власти, а в обеспечение информацией, которая интересовала палестинское движение. Иногда, когда не было нужной информации, а группу требовалось использовать, им поставляли какое-то оружие, причем палестинцы не просили серийного и давно известного, больше интересуясь оружием из арсенала российского спецназа. Для чего требовалось именно такое оружие, российская сторона вопросов не задавала, поскольку догадаться было не трудно.

⁸ СВР – Служба внешней разведки России, бывшее Первое главное управление КГБ СССР.

⁹ «Лесная школа» – обиходное название Академии Службы внешней разведки. Расположена в лесном массиве в Мытищинском районе Московской области. Отсюда и название.

Сотрудники Службы внешней разведки традиционно предпочитали штатскую одежду военной форме, и потому трудно было среди них разбираться в званиях. Но друг друга они звали по имени-отчеству, и это можно было запомнить. Конечно, и во времена Первого главного управления многие его сотрудники постоянно носили гражданскую одежду, но среди множества людей в военной форме это так не бросалось в глаза. Впрочем, и многие оперативники ФСБ предпочитали не выглядеть явными представителями Конторы. Наверное, генерал Макарец просто нервничал, ожидая результатов, потому ему и не нравилось, что все вокруг него были в гражданском.

Большую часть ночи генерал вышагивал по кабинету, потом вышел в коридор и там «гулял», заложив руки за спину, пока его не позвали. Юрий Васильевич посмотрел на часы. В Москве было половина пятого утра. Значит, в Тель-Авиве еще половина третьего. Наверное, пришло сообщение.

Сообщение в самом деле пришло. Короткая телеграмма, только что расшифрованная. Текст гласил: «Операция завершена успешно. Похищение замаскировано под бытовое ограбление. В настоящий момент диски копируются, потом оригиналы будут переданы курьеру, который и доставит их в Москву самолетом через Афины. В качестве дубля содержание дисков в зашифрованном виде будет переслано на электронный адрес заказчика».

– Копируются диски? – удивился генерал Макарец. – Разве их это может интересовать? Там данные для серьезных специалистов-генетиков, а у палестинцев нет таких в наличии.

– Возможность копирования дисков, несущих материалы об уничтожении палестинского народа, было условием, при котором группа соглашалась работать. Само копирование – это оплата их труда. Так мы договаривались. Извините, товарищ генерал, что вас не предупредили. Я вот лично думал, что вы в курсе... – сказал подполковник Соломин, высокий блондин, который в основном и контактировал с палестинской группой.

Макарец только недовольно пожал плечами.

– Тут еще один важный момент присутствует, – добавил начальник отдела полковник Рагимов. – Палестинцы не удержатся и обязательно эти данные опубликуют. Конечно, не все данные, а только их обзор. Могут даже представить их в ООН, в Комитет по оружию массового уничтожения. Будет большой скандал. Это полностью снимет подозрения с нашей стороны, даже если ваши специалисты в своих выводах будут близки к аналогичным выводам израильского профессора. Легко сослаться на аналогичное мышление.

– Да. Это важный аргумент, – согласился генерал Макарец. – А сами палестинцы не опасаются, что их могут обвинить в уголовщине? Они же пишут, что замаскировали свою работу под бытовое ограбление.

– А если воры оказались не дураками? Если воры, что-то сообразив, продали диски палестинцам? Причем продали очень дорого? Кстати, я думаю, палестинцы обязательно попросят наших специалистов сделать для них грамотный обзор для предоставления в ООН.

– С этим, я думаю, проблем не будет. Только предупредите их, что на этих дисках только рабочая версия. Основная разрабатываемая версия на рабочем компьютере хозяина дома, из которого диски и похищены.

– Вы, товарищ генерал, желаете подписать приговор израильскому специалисту? Как его... Я запомню...

– Доктор Дорон Равви. Я не буду возражать, если палестинцы пожелают защитить свой народ. Кроме того, я не желаю, чтобы у нас была сильная конкуренция. Об этом, как вы понимаете, вслух говорить не следует, тем более не следует писать этого в рапортах.

– Это понятно, – согласился полковник Рагимов. – но ваше пожелание мы рабочей группе передадим. Им ведь в самом деле нужно защищаться...

* * *

На небольшую возвышенность, когда-то, наверное, бывшую настоящим островом, а сейчас – просто островком среди болота, колонна спецназа ГРУ вошла чуть раньше майора Зотова. Путь сразу лежал к избушке. А что это именно избушка, а не капитальный дом, видно было уже невооруженным глазом. Просто поставили на четыре удобно расположенные квадратом камня сруб, внутри отлили из болотной глины печь, которая топится «по-черному». Верхнюю опалубку печи сняли, внутренняя сама сгорела, прорезали оконные и дверной проемы, вставили окна, навесили дверь, и получилась избушка. Старший лейтенант Гавриленков навидался таких избушек-зимовий множество, даже ночевал в некоторых во время учений вместе со своим взводом, и все они бывали однотипными. Все имели запасы дров для случайного путника. Но и сам путник, перед тем как избушку покинуть, обязан был дров принести. Для следующего путника. Это закон тайги. Замерзший зимой человек не должен сразу в лес за дровами отправляться. Ему главное – согреться с дороги.

Солдаты открыли дверь избушки как раз тогда, когда на остров поднялся майор Зотов. Старший лейтенант увидел, что ему делают какие-то знаки. Зовут, и зовут настоятельно, усердно. Значит, что-то там экстраординарное. Майор Зотов вошел в избушку и больше не показывался, а Гавриленков повернулся к капитану полиции:

– Что-то там не так... Может, следы вашего спецназа? Хотя солдаты о нем не знают...
– И поспешил к острову.

Полицейский капитан последовал за ним. Расстояние было не велико. Сам Сергей Сергеевич умудрился своим шестом прощупать болото впереди и пройти по мелкому месту, а Семен Николаевич поспешил, прощупать дно поленился, и провалился чуть не по пояс. Но выбрался быстро, торопливо.

На высокое крыльцо грубой избушки они поднялись уже вместе. Гавриленков открыл дверь, заглянул внутрь и сразу увидел человеческую ногу рядом с дверью. Это нога мешала двери открыться полностью. Старший лейтенант надавил посильнее, надеясь, что обладатель ноги почувствует давление и уберет ногу, но нога не шевелилась.

В избушке было сумрачно. Единственное окно по соседству с дверью было занавешено одеялом, на это Гавриленков обратил внимание, еще подходя к крыльцу. Глаза не сразу привыкли в такому освещению, а когда привыкли, увидели, что и на полу, и на нарах в разных позах лежат человеческие тела. В том, что это не живые люди, сомнения почему-то не было.

– Вот и полицейский спецназ нашелся... – сказал командир взвода спецназа ГРУ.

– Тела членов группы полицейского спецназа, – поправил его капитан Подопригора. – Все мертвы, и нет признаков насильственной смерти.

Отсутствие ран старший лейтенант Гавриленков тоже заметил.

– Может, просто угорели? Товарищ майор, не трогать печку! – резко прикрикнул он на старшего по званию. – Вообще ничего здесь не трогать. Все выходим...

Майор на такой резкий окрик не обиделся, даже слегка испуганно посмотрел на него. Он, конечно, не привык, чтобы им командовал какой-то старший лейтенант. Но уж слишком решительно этот спецназовец себя повел, и возразить майор не решился. Ему было просто нечего возразить. Втроем они вышли на крыльцо.

– Воздух там какой-то ужасный. Вонючий. Химией пахнет, – заметил Гавриленков.

– Да. И еще плесенью. Сергей Сергеевич, я возвращаюсь на дорогу, мне нужно сообщить о находке. Пусть высылают следственную бригаду и бригаду экспертов. По-моему, здесь даже воздух следует на анализ брать. Потом попытаюсь тебя догнать.

– Хорошо, – согласился старший лейтенант. – Я дам тебе троих солдат в сопровождение. С ними и догонишь. Маршрут ты знаешь. Карты у нас одинаковые.

– Договорились. Я только позвоню с места, где связь есть, передам координаты и сразу назад. Можно и без солдат.

– Без них я за тебя переживать буду.

К офицерам подбежал командир второго отделения младший сержант Загоскин.

– Товарищ старший лейтенант, там еще тело. В воде. Солдаты вытаскивают. Тоже полицейский. Грудь прострелена...

– Вот это уже более интересно, чем угарный газ, – сказал командир взвода, направляясь за младшим сержантом. – Кто не угорел, того добили. Только кто добил?..

Почему Гавриленков посмотрел на майора Зотова, он и сам бы не ответил.

– Откуда я-то могу знать, – пожал плечами майор. – Я вообще только вчера из Москвы прилетел.

Четверо сослуживцев майора догнали их. Вообще группа Зотова почему-то всегда держалась чуть сзади, словно не желая общаться со старшим лейтенантом спецназа и капитаном полиции.

– Ладно, я пошел... – глянув на убитого, сказал капитан Подопригора.

– Сколько тебе времени понадобится?

– Думаю, часа в четыре уложусь. Два – туда, два – обратно. Это по самым худшим подсчетам. Туда – постараюсь как можно быстрее, потом уже пойдем на скорость – еще быстрее, чем быстро. Будем догонять.

– Нам идти помедленнее?

– Зачем время терять? Идите как обычно. Мы нагоним.

– Загоскин! Берешь двух человек. Идете с капитаном в качестве охраны и помощников. Работать при полном внимании. В случае опасности стрелять на опережение. Потом в темпе нас догоняете. До темноты обязаны догнать. По времени как раз получается...

Глава вторая

Самолет из Лондона приземлился, как ни странно это звучит, минута в минуту по расписанию. Даже такие удивительные случаи, говорят, в авиации бывают! Тем не менее долго пришлось ждать, когда освободится выдвижная пассажирская галерея-«гармошка», заменяющая привычные для других аэропортов трапы. Но галерея все же освободилась, «Боинг-747» подрулил на стоянку, и рукав «гармошки» выдвинулся к открытому люку. Действие было проведено предельно точно. В лондонском аэропорту Хитроу рукав, как помнил профессор Груббер, попал на место только со второй попытки.

Здесь минуты экономились, но дальше предстояло их только терять. Владимир Иванович Груббер очень не любил терять свое драгоценное время на таможенном досмотре, но вынужден был встать в общую очередь. Однако через минуту два офицера в пограничной форме подошли к нему и вежливо спросили:

– Полковник Груббер?

– Так точно.

– Пойдемте с нами, товарищ полковник. Ваши вещи таможенники осмотрят в VIP-зале.

Более молодой офицер подхватил тяжелый чемодан Владимира Ивановича и понес в руках, не желая катить его. Хватало человеку здоровья. В VIP-зале заканчивали осмотр вещей какого-то мелкого и суетливого человека, говорящего с таможенниками на американском языке, как определил Груббер, потому что английским этот язык можно было назвать только с очень большой натяжкой. По крайней мере, он не понял половину торопливо произнесенных и скомканных в окончаниях слов.

– Как погода в Москве? – спросил Владимир Иванович старшего из пограничников.

– Пока держится. К вечеру обещают штормовой ветер. С Балтики до нас добирается.

Из-за больших стеклянных дверей VIP-зала Грубберу помахал рукой генерал Макарецов. Хотя профессор и знал, что его обязательно встретят, все равно было приятно, что встречают вот так, почти с почетом, хотя и без оркестра.

Таможенные процедуры были закончены быстро. Кажется, таможенника даже не интересовало содержимое чемодана Владимира Ивановича, а осмотр проводился только для формы. Предыдущему клиенту, вертлявому американцу, внимания было уделено несравненно больше. У того перерыли оба вместительных чемодана. Но такое невнимание могло только радовать.

Заработав штамп в загранпаспорт, Владимир Иванович двинулся к выходу. Генерал-майор Макарецов, здороваясь, даже приобнял профессора за плечи, словно они невесть сколько лет не виделись. Встречать Груббера приехала машина из института, естественно, не просто машина из гаража, а персональная профессорская – снежно-белый «Мерседес S-500 AMG». Водитель, знающий привычки шефа, привычно устроился на заднем сиденье, поскольку впереди всегда сидел охранник, к нему присоединился генерал-майор Макарецов, а сам Владимир Иванович занял водительское место за рулем. Водить он не только любил, но и умел. Еще когда три года назад создавалась лаборатория, профессор затребовал себе именно такую машину, отвечающую его немалым габаритам. Думал, что его попросят умерить аппетиты, потому что на таких машинах ездят только министры, а заместители министров пользуются транспортом поскромнее. Но Владимиру Ивановичу не возразили. Слишком долго его уговаривали возглавить лабораторию, чтобы возражать из-за каких-то нескольких миллионов рублей. Он тогда поездил на ней и по городу, и за городом, и единственный вопрос, который, покачивая в восхищении головой, задал менеджеру автосалона после окончания тест-драйва, был таким, что менеджер растерялся:

– Скажите, а летать эта штука не умеет?

И сейчас, соскучившись по своей машине, Владимир Иванович просто «полетел» по дороге в лабораторию. Лаборатория располагалась за городом, официально она называлась «Санаторием-профилакторием Министерства обороны», хотя с Министерством обороны даже не сотрудничала, и охрану на воротах и по периметру территории вели солдаты ФСБ.

– Юрий Васильевич, у вас лицо сегодня очень торжествующее, – не отрывая взгляда от дороги, заметил он.

– Конечно. У нас сегодня праздник. Даже двойной, – ответил генерал. – Первый – вы вернулись. Второй – ночью прилетел рейс из Афин, и вам привезли небольшую посылку. Как раз то, что вы заказывали.

– Привезли? Очень рад. Мы, кстати, сели на самолет почти одновременно с доктором Равви. Ему, видимо, еще не сообщили, мне, по крайней мере, Дорон не пожаловался. Хотя мог и просто скрыть, он человек со странностями. Правда, я не думаю, что в лаборатории у него не сохранились дубликаты работ. Если не сохранились, для всего Нес-Циона¹⁰ это станет большой трагедией. Но завтра, Юрий Васильевич, у нас будет еще один праздник. Ко мне прилетит один из участников нашей английской конференции. Я обещал поделиться с ним кое-какими своими наработками, он поделится со мной своими. У него просто не было с собой необходимых материалов, иначе он прилетел бы вместе со мной.

– Обмен опытом, – с небольшим недовольством произнес генерал. – Иногда это бывает полезно. Откуда гость?

Он заворочался на заднем сиденье, зная, что претензии за такого гостя руководство выскажет ему. И претензии могут быть очень серьезными, если профессор Груббер поделится с гостем какими-то своими наработками.

– Из Германии. Профессор Отто Огервайзер. В мире он считается самым большим специалистом по идентификации отличительных генов. Как раз в том вопросе, где наша лаборатория пока слегка «плавает». Для нас это камень преткновения, а герр Огервайзер разработал систему определения по сравнительным тестам, что может дать толчок всей нашей деятельности. Он умудрился определять силу конкретного гена в конкретном человеке. Не просто наличие гена, а его силу и способность как к поражению, так и к сопротивлению. То есть, скажем, имеется семья, где муж и жена являются людьми разных этносов. Что будет с детьми в ситуации поражения одного из них? Ген какого родителя будет в том или ином варианте сильнее, материнский или отцовский? Это вопрос, который пока ни одна лаборатория, кроме немецкой, не смогла решить. И у нас дело сильно застопорилось именно на этом вопросе. Надеюсь, с помощью профессора Огервайзера нам удастся разобраться в нем. Да, еще... К приезду герра Огервайзера я попросил бы вас найти мне бутылку хорошего марочного грузинского коньяка.

– Взаимовыгодный обмен, – слегка успокоился генерал, теперь уже зная, что сказать своему руководству. – Ну да... Коньяк я вам достану. А что касается обмена опытом... Это почти то же самое, что ваша лондонская конференция. Если приглашают на контакт, а вас государство не пускает, значит, вы не просто исследователь вопросов генетики, а создатель оружия. Кого приглашали и кто не приехал – список, наверное, составлен. То же самое и с

¹⁰ Нес-Циона – город в Центральном округе Израиля. Там в биологическом институте располагается основной центр исследований Израиля по созданию химического и биологического оружия. Этот центр поставил себе очень сложную задачу, поскольку и арабы, и евреи имеют семитское происхождение и различить их гены чрезвычайно сложно. Тем не менее, как сообщают источники в самом Израиле, ученым удалось выявить специфические особенности генетического профиля некоторых арабских общин. Причем особый упор в исследованиях делался на изучение населения Ирана. И даже было создано, хотя и не опробовано, генетическое оружие, которое возможно распространить путем распыления микроорганизмов или заражения ими водопроводов. Но практика показывает, что всегда изначально создается оружие, и только потом ученые из другой сферы приложения сил придумывают носители и другие методы доставки оружия до противника. Однако, утверждают израильские специалисты, достаточно раздавить в автобусе ампулу, чтобы началась выборочная этническая эпидемия. (Прим. автора.)

гостевыми визитами по обмену опытом. Отказ, как я понимаю, всегда вызовет подозрение. Как конференция, кстати, прошла? Было что-то интересное, что нам поможет?

– В общем все прошло по-английски рутинно. Открытий никаких не было, хотя был очень интересный спор. Касался он событий две тысячи второго года на Мадагаскаре. Тогда на мадагаскарцев напала какая-то странная эпидемия. Более двух тысяч человек заболело, больше полутора сотен умерло в первые два дня после заражения. Болезнь сильно походила по симптоматике на обычную простуду и сначала не вызвала беспокойства. Шел сезон дождей, а в этот сезон всегда много больных. Только когда эпидемия распространилась широко, врачи забили тревогу. Тогда же ООН срочно направила на Мадагаскар специальную команду врачей и ученых из французского института Пастера. Станным было то, что эпидемия поражала людей только одной этнической группы. И еще тогда возникла версия испытания генетического оружия. Именно после этого случая по всему миру начали про него говорить, и стали одна за другой открываться лаборатории. Но пока ни одна страна не взяла на себя ответственность за мадагаскарские испытания. А китайские специалисты на основе мадагаскарского случая предложили обсудить разработанную ими методологию определения возможного авторства. Мы целый день потратили на обсуждение китайской методологии, но пришли к выводу, что она больше замешана на политике, чем на научных данных, и не может стать инструментом, определяющим критерий виновности того или иного государства, поскольку допускает простейшие провокации, с помощью которых легко обвинить любую сторону как заинтересованную.

Ворота лабораторного двора открылись без проверки машины.

– Юрий Васильевич, приглашаю вас в свой кабинет. Можно пока без коньяка, но с посылкой в мой адрес. Мне не терпится посмотреть содержимое.

– Принесу через десять минут, – пообещал генерал.

* * *

Было прохладно, а ноги все без исключения солдаты взвода промочили основательно. Все-таки середина осени сильно отличается от лета даже в сравнительно южных широтах Дальнего Востока. Спасение в этом случае давало или движение, или возможность просушить одежду. Старший лейтенант Гавриленков решил совместить и то, и другое. И потому сам встал на роль ведущего, чтобы в высоком темпе добраться до обозначенного на карте относительно большого возвышенного острова, где решил сделать привал с разведением больших костров, чтобы солдаты могли просушить одежду и обувь. Запоздало пришла в голову мысль, что в такой рейд следовало бы взять с собой обычные костюмы противохимической защиты. По крайней мере, в болотах они защитили бы солдат от промокания. Полностью облачаться в такой костюм необходимости не было, следовало использовать только одни штаны-комбинезон, как используют их по всей России рыбаки, всякими правдами и неправдами приобретающие себе такие костюмы. Но если уж не взяли, если ни командование, ни сам командир взвода вовремя не подумали, не стоило больше заострять на этом внимание. Сергей Сергеевич сам тоже сильно промок и грелся только за счет скорости передвижения. Наверное, и солдатам эта скорость помогала.

Раздражало то, что идти приходилось не по прямой линии, а только по мелководью. Вообще для таких операций следовало бы использовать суда на воздушной подушке, стоящие на вооружении подразделений морской пехоты. Эти суда, как видел Гавриленков на учениях, легко преодолевают болота там, где нет крепких и высоких деревьев. Здесь деревья были, но, если бы за управлением судна сидел опытный механик-водитель, ему не составило бы труда обойти их стороной, тем более что не было необходимости передвигаться

не только с максимальной, но даже с крейсерской скоростью¹¹. Но привлечение посторонней помощи, а морская пехота согласилась бы наверняка выделить такое десантное судно исключительно со своим механиком-водителем, не входило, видимо, в планы руководства операцией. Любые посторонние люди – это вариант для расширения круга информированных лиц. И чем уже круг, тем лучше. Старое правило, которого всегда следует придерживаться, если операция не желает себе обширной рекламы.

С этими мыслями шел старший лейтенант Гавриленков во главе своего взвода. Активно пытались пробиться в сознание и другие мысли, хотя он усиленно отгонял их, не имея возможности разрешить проблему. Если нет такой возможности, не стоит и голову себе забивать, и нервы портить. Тем не менее мысли эти, помимо его воли, все же приходили вновь и вновь. Что же произошло с группой полицейского спецназа? Там ведь наверняка были не мальчишки с улицы и не постовые полицейские, там были спецназовцы, волки, которые отлично умеют кусаться. Их просто так, голыми руками, взять невозможно. А у полицейских подозрительность ко всему, выходящему за рамки обыденного, в несколько раз выше, чем, скажем, у бойцов того же спецназа ГРУ. В спецназе ГРУ приветствуется осторожность, а в полицейском спецназе именно подозрительность заменяет осторожность. В силу специфики своей службы полицейские спецназовцы становятся подозрительными очень быстро. Тем не менее даже профессиональная подозрительность их не спасла, погибли все. И неизвестно, отчего они погибли, может быть, какое-то отравление. Может быть, еще что-то. На случайность списать можно все. И кто-то, возможно, попытался бы и этот инцидент списать на случайность, если бы не расстрелянный полицейский. Расстрелянный и сброшенный в воду. Только почему так близко от берега? Хотя, конечно, труп могли бросить где угодно, но его принесло именно к берегу. Возможно, к месту убийства.

Но спецназ ГРУ, хотя в последние годы часто используется вместе с правоохранительными органами, не имеет следственных полномочий и не может вести следствие. Он даже методологии следствия не обучен. Из разговоров с другими офицерами старший лейтенант Гавриленков знал даже то, что не все видят разницу между арестом и задержанием. Это первая мелочь, самая мелкая. А крупных много, и все они имеют свою глубину, требуют своей трактовки. Правовые же знания спецназа ГРУ сводятся к обязательному курсу о возможном поведении бойцов в чужих домах, вызывающих подозрение, в селах, в которые спецназ входит, причем явный уклон делается на кавказские села. Даже начальник штаба бригады не припоминал случая, когда спецназ ГРУ использовался в других регионах России.

И вот пришлось использовать в другом регионе...

Впереди открылось большое по площади озеро.

Старший лейтенант Гавриленков остановился, поднял бинокль и стал всматриваться в зеркальную поверхность. Травы и кустов из воды выглядывало много, что давало характеристику глубине. Внешне казалось, что пройти через озеро можно, глубина, похоже, не превышает двадцати сантиметров. Подумав, Гавриленков двинулся вперед. И не ошибся, озеро действительно оказалось вполне проходимым. Только следовало путь выбирать тщательнее и шестом работать чаще, чтобы не уйти на чистую воду или не провалиться в яму. У Гавриленкова шест был длиной около трех метров. В одном месте он попытался проверить дно в стороне от зарослей травы, и шест ушел на всю длину, даже руку пришлось под воду опустить, но дна не достал. Значит, в озере много ям.

¹¹ Понятия максимальной и крейсерской скорости часто путаются, хотя это совершенно разные вещи. Максимальная скорость – эта та скорость, с которой судно может передвигаться при полной нагрузке на двигатель. Крейсерская скорость – это оптимальная скорость при наиболее выгодном расходе топлива, то есть позволяющая преодолеть без дозаправки наибольшее расстояние. Обычно крейсерская скорость составляет не более восьмидесяти процентов максимальной скорости, хотя у отдельных судов может опускаться до тридцати процентов. (Прим. автора.)

– Передать по строю, – сказал старший лейтенант через плечо. – Где нет травы, ямы глубиной больше трех метров. Соблюдать осторожность.

Команда быстро пролетела во всей цепочке и дошла до замыкающих колонну офицеров ФСБ...

Озеро прошли за час с небольшим. Уже на берегу, выбрав сухой бугорок, Гавриленков сел и вытащил карту, которую и без того хорошо помнил, но все же решил свериться. Да, озеро было и на карте, только не такое большое и не такое округлое, а похожее на кляксу с растекшимися языками. Видимо вода сильно прибыла и округлила озеро. До того самого островка, где Гавриленков наметил привал, оставалось сорок минут хода.

– Вперед! – скомандовал старший лейтенант стоящим рядом солдатам первого отделения. – Лазоревский, вставай ведущим, поддерживай темп.

– Есть поддерживать темп! – командир первого отделения младший сержант контрактной службы Коля Лазоревский пошел так быстро, словно в бой ринулся.

А сам старший лейтенант решил дожидаться группы майора Зотова...

В лаборатории у профессора Огервайзера кабинет был более просторным, чем в компании «Пфайфер Лоок», хотя выглядел более скромным. Ощущение простора добавлял еще и вид из окна. Окно в кабинете, занимавшем половину этажа, было единственное, зато во всю стену. И сам кабинет находился на одном из верхних этажей «небоскреба», до которого даже скоростным лифтом добираться было нудно.

Доктор Алоис Матиссе Гросс имел свободный вход в здание, поскольку считался официальным куратором лаборатории в бундесвере. Сам полковник Гросс занимал должность заместителя начальника подразделения со странным названием «Управление аномальных методов ведения войны». От такого названия за несколько километров несло запахом НЛО и безумными пассажами экстрасенсов, и, к удивлению Отто Огервайзера, создание генетического оружия руководство бундесвера почему-то отнесло к подобным же явлениям, хотя генетика – это наука, а все аномальные явления, по мнению профессора, относились к вне-научным явлениям. И даже в том случае, если подтверждались практически.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.